

Янь Сюнь изо всех сил старался подавить в груди необъяснимое смятение. Следуя за Чжоу Це и стражей, он вошел в зал суда Дали-сы. Из-за высокого статуса подсудимого и того факта, что дело касалось жизни наследного принца, здесь не было толпы праздных зевак. В просторном зале находились лишь сам Чжоу Це, служащие приказа и две фигуры — одна стоящая, другая сидящая — скрытые за ширмой в левой части помещения.

Ширма была украшена искусной вышивкой: среди сумеречных гор и прозрачных вод в небесной вышине застыли две стаи птиц. Тонкая работа поражала — даже крошечные, размером с рисовое зерно, пернатые казались живыми на белоснежном шелке. Было очевидно, что эта вещь не принадлежит Дали-сы, а принесена из дворца. Силуэт человека, восседавшего за ней, исполненный благородства и спокойствия, не оставлял сомнений: там находилась императрица Чжао, мать Янь Юя.

Янь Сюнь не знал, пришла ли она лично проследить за тем, как ему вынесут смертный приговор, или просто желала присутствовать при допросе. Не желая выдавать свою осведомленность, он лишь скользнул взглядом по шелковой преграде и замер в центре зала, выпрямившись во весь рост.

Будучи сыном Неба, Янь Сюнь, хоть и подозревался в покушении на наследника, не мог быть принужден к коленопреклонению до окончательного вердикта. Чжоу Це бросил быстрый взгляд на ширму, раздумывая, не стоит ли предложить принцу сесть, но в этот момент из-за преграды раздался мягкий, преисполненный заботы голос императрицы:

— А-Сюнь, провести целую ночь в темнице — тяжелое испытание. Ты, должно быть, совсем проголодался? Сьюй, скорее подай еду, что я привезла из дворца.

Служанка по имени Сьюй поклонилась и, выйдя из-за ширмы, миновала Янь Сюня, чтобы покинуть зал и исполнить поручение.

Хотя Янь Сюнь почтительно именовал императрицу Чжао матерью и регулярно наносил ей визиты, они никогда не были по-настоящему близки. Теперь же, когда его обвиняли в отравлении её единственного сына, такое спокойствие и доброта казались удивительными.

Императрица, глядя сквозь тонкий шелк, казалось, ласково коснулась его плеч.

«Мне не стоит подозревать матушку-императрицу в злых умыслах», — мелькнула у него короткая мысль.

— Благодарю вас, матушка-императрица, — Янь Сюнь низко поклонился, стараясь вложить в голос как можно больше почтения.

— Полно, — отозвалась она. Разглядев лицо юноши сквозь полупрозрачную ткань, она добавила еще нежнее: — А-Сюнь, подойди ко мне.

Не понимая, чего она хочет, Янь Сюнь послушно зашел за ширму.

Императрица Чжао была облачена в скромное, неброское платье — совсем не похожее на те изысканные, расшитые цветами наряды, что она носила обычно. Лицо её было бледным, а под глазами залегли тени: было ясно, что вчерашнюю ночь она провела без сна.

— Матушка-императрица, — негромко позвал Янь Сюнь, склонив голову.

Сейчас он походил на обиженного ребенка; даже выбившиеся из прически пряди волос, казалось, молили о сочувствии.

Поднявшись, императрица достала расшитый платок и бережно стерла пыль и грязь с его щеки.

— Бедный мальчик, тебе пришлось нелегко, — прошептала она.

Услышав эти слова и почувствовав её сострадание, Янь Сюнь не выдержал. Он задрожал, когда начал оправдываться:

— Матушка, я невиновен. Клянусь, у меня и в мыслях не было причинить вред старшему брату!

— Я верю тебе, — утешила его императрица. — Верю, что ты не мог этого сделать. Как только господин Чжоу во всём разберется, я немедленно заберу тебя обратно во дворец.

После короткой беседы Янь Сюнь покинул пределы ширмы и вернулся на середину зала.

К тому времени Сююй уже распорядилась принести стул с резной спинкой и низкий столик. На нем были расставлены угощения: ароматная каша из ласточкиных гнезд и серебряных древесных грибов, нежные креветочные пельмени «Сяцзяо», изящные золотистые рулетики и слоёное печенье Лунцзин.

Блюда были приготовлены мастерски и всё еще источали пар. Тонкий аромат еды коснулся лица Янь Сюня, пробуждая мучительный голод. С тех пор как вчера утром его бросили в темницу, у него во рту не было ни крошки. Сначала он был слишком измучен тревогой за Сяо Юэбая, пребывавшего в беспамятстве, а после забылся тяжелым сном в его объятиях. Лишь сейчас пустота в желудке отозвалась резкой, пульсирующей болью.

Он взял ложку и зачерпнул немного теплой каши. Но едва вкус коснулся языка, Янь Сюнь замер.

«Сяо Юэбай... Он ведь тоже ничего не ел со вчерашнего дня».

Сердце сжалось от внезапной тоски.

«Если бы я не был так слаб, так беспомощен... разве пришлось бы Учителю делить со мной участь узника?»

Он едва сдержал слезы. Чтобы скрыть минутную слабость, Янь Сюнь быстро проглотил еще несколько ложек и велел Сыюй унести столик.

Дождавшись, когда принц закончит трапезу, Чжоу Це ударил судейским молотком. Звук эхом разнесся под сводами зала.

— Второй принц Янь Сюнь! — сурово начал глава приказа. — Наследный принц Янь Юй обвиняет вас в покушении на его жизнь посредством отравления. Признаете ли вы свою вину?

Янь Сюнь опустился на стул, задумчиво постукивая пальцами по резному подлокотнику. Его лицо вновь стало непроницаемым.

— Того, чего я не совершал, я признать не могу. С какой стати мне наговаривать на себя, господин Чжоу?

В ответ Чжоу Це лишь кивнул стражнику, и тот поднес к Янь Сюню какой-то предмет. Юноша взглянул на крошечный, не более двух цуней, флакон из белого фарфора и посмотрел на судью.

— Что это, господин Чжоу?

— Неужели Ваше Высочество действительно не знает? — вопросом на вопрос ответил тот.

Увидев, что Янь Сюнь отрицательно качнул головой, Чжоу Це вновь ударил молотком.

— Вызвать свидетеля!

Флакон, вне всяких сомнений, служил вещественным доказательством — в нем должен был находиться яд. Что же касается свидетеля... Если слова Янь Хуаня были правдой, то это должен быть кто-то из личных слуг Второго принца.

Янь Сюнь лихорадочно перебирал имена в уме, но когда свидетель вошел, он замер от неожиданности. Это была Ван Шу — ничем не примечательная служанка, которая в его дворце Фуюй занималась тем, что подавала чай и готовила тушь для письма.

Холодная волна страха окатила Янь Сюня. Он и представить не мог, что предателем окажется именно она. Ван Шу служила ему пять лет; она была работящей и немногословной, а близость

к его особе давала ей сотни возможностей лишить его жизни, будь у неё такое желание.

Девушка не смела поднять глаз на хозяина и сразу опустилась на колени.

— Назови себя, — приказал Чжоу Це.

— Служанка из дворца Фуюй, Ван Шу, — глухо отозвалась она.

По знаку судьи стражник поднес к её лицу тот самый белый флакон.

— Узнаешь ли ты эту вещь?

Ван Шу кивнула, плечи её задрожали. Она заплакала. Внезапно она посмотрела на Янь Сюня, и в её взгляде смешались ужас и отчаяние.

— Узнаю... Это вещь второго принца. Его Высочество...

Она зашлась в рыданиях, содрогаясь всем телом.

— Его Высочество всегда был так добр к нам... Я и помыслить не могла, что он окажется тем, кто готов пойти на братоубийство ради императорского трона!

<http://bllate.org/book/17467/1693351>